

Евгений Сухов

ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91   **Искушение вины / Евгений Сухов.** — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-699-99642-1

В Вологодскую область заброшена немецкая диверсионная группа. Ее командир, бывший сержант РККА Михаил Аверьянов, — уроженец здешних мест. В немецкой разведшколе он проявил отличные боевые качества и исключительную преданность Рейху. Но на поверку такое старание оказалось маскировкой. Попав на свою территорию, Михаил сдался контрразведке СМЕРШ. После тщательной проверки его привлекают к работе против немцев. Аверьянов пытается искупить свою вину перед Родиной. Но у советской власти к предателям особый счет — суровый и беспощадный...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-99642-1

ГЛАВА 1

ВЫ ЛЮБИТЕ СОБАК?

Конец сентября 1941 года

Майор Гемприх-Петергоф потянул на себя дверь, прошел в небольшой аскетичный кабинет и остановился в двух шагах от стола, обтянутого черной кожей, за которым сидел сухошавый горбоносый человек с черными глазами и пронзительным взглядом. Это был руководитель одного из главных органов военной разведки и контрразведки Третьего рейха вице-адмирал Канарис.

Возглавив службу «Абвера», Вильгельм Франц Канарис предпочитал гражданскую одежду — в основном темные костюмы из тонкой дорогой английской ткани, — но в этот раз на нем был военно-морской мундир с золотым шитьем на рукавах.

Вне всякого сомнения, этот день для адмирала являлся особенным, потому что военную форму он надевал в исключительных случаях, например, когда его приглашали в Ставку фюрера или в Генеральный штаб.

Адмирал Канарис внимательно посмотрел на вошедшего и после затяжной паузы предложил:

— Прошу вас, майор, садитесь!

Сапоги из добротной яловой кожи, собранные в мелкую складку, слегка поскрипывали, отмечая каждый пройденный шаг. Майор опустился на стул и сцепил пальцы в замок.

В штаб-квартире «Абвера», расположенной на улице Тирпицуфер, 74, Гемприх-Петергоф появлялся не часто. Обычно выше третьего этажа не поднимался — именно там размещались кабинеты заместителей вице-адмирала, которым майор докладывал о проделанной работе. Лишь однажды он удостоился чести быть принятым Вильгельмом Канарисом. В тот раз ему пришлось изрядно поплутать по коридорам, прежде чем отыскать кабинет всесильного руководителя «Абвера».

Сотрудники здания называли место своей работы «Лисьей норой». Несведущие полагали, что прозвано оно так потому, что в нем работали люди хитрые, в чью службу входило обманывать и дезориентировать противника. Но в действительности дом получил такое название еще до того, как в нем разместилась военная разведка и контрразведка Третьего рейха. Громоздкое здание неоднократно перестраивалось и достраивалось, и каждый из десяти архитекторов, приглашенных на модернизацию, приносил свою замысловатую концепцию, а потому оно имело запутанные коридоры, сложные переходы, необоснованные тупики, в которых непросто было разобраться даже людям, проработавшим здесь не один год, не говоря уже о тех, кто появлялся в нем лишь наездами.

Майор Гемприх-Петергоф внимательно рассматривал горбоносое лицо адмирала, хищно взиравшего на него, и внутренне невольно напрягся.

В состоявшемся визите было много странного. Для разговора его могли бы пригласить генерал-лейтенант Франц фон Бентивеньи или генералы Эрвин Лахузен и Ганс Ос, с которыми он был знаком лично, имеющие немалое влияние в системе «Абвера». Однако он удостоился чести быть принятым самим руководителем ведомства. Следовательно, речь пойдет о чем-то важном.

Вице-адмирал мягко улыбнулся и негромко спросил:

— Майор, вы любите собак?

Вопрос прозвучал неожиданно, и, стараясь не стушеваться, майор громко произнес:

— Так точно, господин вице-адмирал, в детстве у меня была немецкая овчарка!

— Это хорошо. Всегда с уважением относился к людям, которые любят собак... Тем более овчарок! Кажется, в то время вы проживали под Ригой?

— Именно так, господин вице-адмирал, на Балтийском побережье у нас было фамильное имение, но после того, как в нем расположилась одна из частей Красной армии, оно пришло в негодность. Имение ограбили, разорили, на дрова спилили даже яблони. Сейчас оно требует больших вложений.

— Это печально. — Лицо Канариса приняло сочувствующее выражение. — Но вы собираетесь его отстраивать?

— Конечно, надеюсь, что это произойдет в ближайшем будущем, — с готовностью ответил Гемприх-Петергоф и, улыбнувшись, добавил: — Вот когда оно будет восстановлено, тогда я непременно вновь заведу собаку.

— А у меня есть собаки, — продолжил Канарис. — Две маленькие симпатичные таксы. Я от них просто в восторге! Вы даже не представляете, какое удовольствие я испытываю, когда их выгуливаю. — Адмирал слегка поежился. Южная кровь давала о себе знать: он жаловался на стылость даже в теплые дни, а потому редко открывал в своем кабинете форточку, разве только затем, чтобы выкурить у окна сигарету. — Все это хорошо... Но давайте поговорим о главном. Не скрою, прежде чем пригласить вас к себе, я весьма подробно ознакомился с вашим личным делом. Но мне бы хотелось услышать от вас, так сказать, наиболее важные этапы вашей биографии.

— Я — прибалтийский немец. По семейным преданиям, мои предки были курляндские бароны. Триста лет назад Людвиг Гемприх перебрался в Ригу, где женился на местной красавице, и с тех самых пор все мои прародители считали эту землю своей родиной. Я тоже родился в Риге... Учился в реформаторской гимназии в Петербурге, окончил ее в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Тогда же добровольцем вступил в русскую армию, через три месяца получил офицерское звание. Воевал до самого последнего дня Первой мировой войны, пока большевики не заключили Брестский мир. Последующие два года воевал на

стороне Белой гвардии в Прибалтике и под Петроградом...

— В Петергофе?

— Именно так.

— Оттуда ваша вторая фамилия — Петергоф?

— Скорее это псевдоним... С этим городом у меня многое связано... Там я впервые встретил свою настоящую любовь, там завел друзей, с которыми дружу до сих пор. В этом городе я едва не погиб... И если бы не помощь моих товарищей, попал бы в плен к красным и был бы расстрелян, как и многие мои сослуживцы... Большевики особенно не церемонились... Тогда я поклялся, что, если останусь в живых, обязательно добавлю к своей фамилии Петергоф. Вильфред Карлович Гемприх остался в прошлом, а вместо него появился Вильфред Карлович Гемприх-Петергоф.

— Понимаю. Что было дальше?

— Дальше работал по мандату международного Красного Креста. Затем до тридцать девятого года представлял германские предприятия, а когда в Прибалтику пришли советские войска, мне пришлось уйти, и я попросился на службу в «Абвер»... Выполнял специальные задания в Европе, в Африке. И очень надеюсь, что и дальше буду приносить пользу Третьему рейху.

— Я внимательно слежу за вашей карьерой, Вильфред, вы весьма неплохо проявили себя при организации лагерей для военнопленных.

— У меня было перед многими преимущество, все-таки я сам из России, знаю русский язык и русских.

— Я оценил вашу скромность. Немало наслышан о вашей преданности Третьему рейху, а ваше умение разбираться в психологии русских весьма ценно для нас. Мы думаем дать вам новое задание.

— Я готов, господин вице-адмирал!

— Не торопитесь с ответом, — поумерил пыл майора Канарис. — Оно будет весьма непростым и отличается от всех, что вы получали ранее.

— Меня не пугают трудности, господин вице-адмирал.

— Мне это известно... Для работы в тылу противника вам следует собрать группу из двадцати человек. Отбирать нужно лучших, и здесь я всецело полагаюсь на ваш боевой опыт и умение работать с русскими. Ваша цель — Вологодская область! Нас очень интересует этот район. Для Третьего рейха он является стратегическим... Впрочем, как и для русских. Для них сейчас это глубокий тыл, где оборудованы склады боеприпасов, продовольствия, обмундирования. Через Вологодскую область проходит северная железная дорога, по которой идет снабжение Ленинградского фронта, далее она продолжается на север к Мурманску и к Архангельску. Наша основная задача — перерезать эту ветку! Но для этого мы должны знать обстановку на месте, а без людей, внедренных в железнодорожные узлы, сделать такое не представляется возможным. Кроме того, у нас имеются серьезные основания предполагать, что русские рассчитывают прорвать блокаду Ленинграда, поэтому отправка вашей группы

в Вологодчину и сбор информации о передвижении русских военных соединений будет иметь для нас первостепенное значение. Возьметесь за это задание, майор?

— С большим удовольствием, господин адмирал! Только у меня есть одно небольшое предложение.

— Предложение? — удивленно посмотрел на Гемприх-Петергофа Канарис. — И какое же?

— Среди царских офицеров была широко распространена игра в карты.

— Мне это известно, — слегка кивнул адмирал.

— Предпочтение всем другим партиям мы отдавали игре в «двадцать одно». Смысл этой игры заключается в том, что нужно набрать двадцать одно очко. Кто раньше это сделает, тот и выиграл. Эта игра всегда идет на удачу, и мне в ней везло больше, чем остальным. Я бы хотел, чтобы в моей группе было не двадцать человек, а двадцать один... Так сказать, на удачу!

Тонкие губы адмирала растянулись в широкой улыбке:

— Вижу, что вы по-прежнему остаетесь русским офицером, хотя и носите немецкую форму. Возможно, это и неплохо... Хорошо, я согласен, пусть будет двадцать один. Все ваши отчеты направляйте мне лично. Я должен знать о каждом шаге вашей группы. Фюрер тоже весьма заинтересован в благополучном исходе предстоящей операции.

— Слушаюсь, господин адмирал!

— С вашим оперативным опытом и умением грамотно работать мы вправе рассчитывать на успех. Только советую вам не быть слишком азартным, это весьма вредит делу.

— Я осознаю, господин адмирал. Разрешите идти?

— Ступайте!

Майор Гемприх-Петергоф бесшумно поднялся из-за стола и, поскрипывая новыми яловыми сапогами, вышел из кабинета.

ГЛАВА 2

ЖИВОЙ, МАТЬ ВАШУ!..

За последующие десять дней майор Гемприх-Петергоф посетил восемь лагерей для военнопленных, в четырех из них отобрал для своего отряда двадцать человек. Оставалось отыскать последнего.

В лагере Заксенхаузен, созданном для русских активистов, ему удалось отобрать четырех человек, имевших личные счета с Советами. Среди них было двое рядовых, сержант и кадровый офицер, отличавшийся патологической ненавистью к Сталину. Оставалось лишь удивляться, как ему удавалось скрывать свое настроение от сослуживцев. Но офицер он был грамотный, думающий, не случись плена, у него были бы хорошие шансы дорасти до майора.

Еще пятерых майор отобрал в городе Аушвитц, в особом предварительном лагере, органи-

зованном для уроженцев Кавказа, — двух грузин, одного ингуша и двух чеченцев. Еще трое были завербованы в предварительном лагере в глуховатом местечке Лешково, официально именовавшемся «СС зондерлагерь «Лешаново». На его основе форсировался «Туркестанский легион». Отряд получался интернациональный, но их всех объединяла нелюбовь к большевистскому режиму. Еще восемь человек были завербованы в штрафном лагере, расположенном в небольшом провинциальном городке Крейцбург. В нем содержались агенты и сотрудники «Цеппелина», допустившие nepозволительные проступки, или те, кто не сумел пройти проверку после выполнения задания в советском тылу. Одетые в широкую робу, они носили на одежде нашивку желтого цвета с литерами «SU».

С каждым из них майор Гемприх-Петергоф побеседовал индивидуально: его интересовала их прежняя жизнь, чем они занимались до войны, привязанности, привычки — в общем, все, что могло бы пригодиться в работе. У каждого собственная судьба, затолкавшая по воле случая в штрафной лагерь, от которого всего-то один шаг до концентрационного. Опрошенные прекрасно понимали всю серьезность ситуации, а потому не стыдились проявлять чрезмерное усердие и вытягивались перед майором так рьяно, словно хотели достать макушкой потолок. Появление Гемприх-Петергофа воспринималось ими как счастливый шанс вернуться к прежней сытой жизни. И майор, являясь человеком до-

тошным, подробно и обстоятельно вникал в их житейские и служебные перипетии.

Трое из допрошенных, пренебрегая дисциплиной в разведшколе, были замечены выпившими и теперь клятвенно уверяли Гемприх-Петергофа, что не взглянут даже на квас. Двое, находясь на службе в полиции, угодили в лагерь за убийство — первое свершилось из-за ревности, второе — из-за неприязненных отношений. Оставшаяся тройка, находясь на службе в «Абвергруппе», была отправлена в лагерь за воровство.

Следующим пунктом назначения стал концентрационный лагерь близ города Веймар. Начальник этого лагеря — старинный приятель майора капитан Якоб Грюнвальд, с которым тот весело проводил время в Берлине, учась на высших курсах академии Генштаба. Этот лагерь создавался как начальный этап подготовки агенты, включавший в себя двухмесячный медицинский и политический карантин, а также дальнейшую разведывательную и диверсионную проверку. В его руководстве находились сотрудники «Абвера», а выполнение практической работы было возложено на бывших царских и советских офицеров, и он по праву считался одним из лучших в Германии.

Гемприх-Петергоф приехал в лагерь в тот день, когда накануне случилось чрезвычайное событие: утром во время тактического учения по стрельбе из особого сборного лагеря сбежало восемнадцать человек, застрелив инструктора

и командира взвода. С привлечением армейских частей и батальона СС беглецов всю ночь отлавливали по близлежащим окрестностям. Десять человек после короткого следствия отправили в лагерь смерти, а остальных, выявленных как зачинщики, должны были расстрелять перед строем.

Место казни определили на краю поля, вырыв в глинистой земле несколько неглубоких ям. Место безлюдное — куда ни глянь, всюду заросшие смешанным лесом холмы. До ближайшей деревушки километра два, так что слаженные залпы никого не беспокоят или будут восприняты за далекие раскаты грома, что в наступившую непогоду вполне оправданно.

Капитан Грюнвальд, напоминая себя прежнего, травил анекдоты про евреев, и в какой-то момент майор даже поверил, что они идут не к месту предстоящего расстрела, а на веселую гулянку.

Солдаты айзацгруппы привели приговоренных. Взводом командовал сублильный белообрый немец, едва вылупившийся из возраста гитлерюгенд. Якоб Грюнвальд обмолвился о том, что парень весьма романтичный: сочиняет стихи, поет, любит фотографировать. Особенно предпочитает расстрелы евреев, собрал уже целый альбом. В нем же хранил снимок невесты, обожаемой Гретхен.

Сломленные, с разбитыми лицами, арестованные безропотно выполняли команды командира взвода. Личный состав айзацгруппы состо-